

Научная статья

УДК 343.9

EDN DJUFSW

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(6).549-555

КРИМИНОЛОГИЯ VS НЕОКРИМИНОЛОГИЯ: О СУТИ ВОПРОСА С ПОЗИЦИЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В.П. Шиенок

город Минск, Республика Беларусь

Информация о статье

Дата поступления

24 ноября 2024 г.

Дата принятия в печать

20 декабря 2024 г.

Дата онлайн-размещения

27 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Криминология; неокриминология;
постмодерн; гуманистическая
методология; преступление;
преступность

Аннотация. Статья подготовлена в связи с проходящей в российской криминологической науке дискуссией сторонников и противников комплекса идей, характеризующих криминологию постмодерна, постиндустриального общества, «неокриминологию». Значимость дискуссии обусловлена в первую очередь ее содержанием, т.е. кругом проблемных вопросов, по существу которых уважаемые коллеги, участники обсуждения, имеют разные позиции. Не вызывает сомнения тот факт, что различное понимание преступления и преступности, их природы, социального назначения, причин и т.д. уже сами по себе определяют как методики исследования этих вопросов, так и прогнозируемые результаты. Не менее значимыми для перспектив развития криминологии, а также уголовного права являются такие категории, как общественная опасность преступления и преступности в целом, наказание и его цели. Особо следует отметить проблему выбора критериев социально полезного и социально вредного поведения, критериев криминализации деяний, наличия либо отсутствия объективных оснований данного процесса. В статье высказывается точка зрения по ряду обсуждаемых уважаемыми коллегами вопросов с позиций концепции гуманистической методологии юриспруденции, разрабатываемой автором более двадцати лет. Делается акцент на методологических проблемах современной криминологии, лежащих в плоскости мировоззрения человека. Вопросы мировосприятия в конечном счете определяют позицию исследователя не только по выбору средств и методов познания, а также интерпретации полученных результатов, но и в целом по определению содержания научного знания и перспектив его развития. Именно так расценивает автор дискуссию сторонников классической и постмодернистской криминологии.

Original article

CRIMINOLOGY VS NEOCRIMINOLOGY: ON THE ESSENCE OF THE ISSUE FROM THE POSITION OF THE HUMANISTIC METHODOLOGY OF JURISPRUDENCE

Vladimir P. Shienok

Minsk, the Republic of Belarus

Article info

Received

2024 November 24

Accepted

2024 December 20

Available online

2024 December 27

Keywords

Criminology; neocriminology;
postmodernism; humanistic; crime;
criminality

Abstract. The article is written as part of the ongoing discussion in the Russian criminological research community between the supporters and the opponents of the complex of ideas constituting the criminology of the postmodern, post-industrial society, “neocriminology”. The significance of the discussion is primarily connected with its contents, i.e. the range of debatable issues regarding which the esteemed colleagues participating in this discussion have different positions. It is beyond doubt that differences in understanding crime and criminality, their nature, social functions, causes and so on predetermine both the methods of researching these topics and the expected results. Such categories as the public danger of a crime and criminality in general, punishment and its goals are also significant for the prospects of criminology’s development. Particularly noteworthy is the problem of choosing the criteria of socially beneficial

and socially harmful behavior, the criteria of criminalizing actions, the presence or absence of objective grounds of this process. The author presents his opinion on a number of issues debated by the esteemed colleagues from the standpoint of the humanistic methodology of jurisprudence on which the author has been working for over twenty years. The emphasis is placed on the methodological problems of modern criminology lying in the domain of the world-view of a person. Ultimately, the perception of the world predetermines the position of the researcher not only in terms of the choice of means and methods of cognition, as well as the interpretation of obtained results, but also in terms of defining the contents of scientific knowledge and the prospects of its development. It is in this light that the author assesses the discussions of the supporters of classic and postmodern criminology.

С интересом прочитал статью уважаемых коллег С.С. Босхолова и В.А. Номоконова «Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о типике неокриминологии». В ней «авторы подвергают критической оценке представления и взгляды российских и зарубежных неокриминологов на такие основополагающие понятия и категории в уголовном праве и криминологии, как преступление и преступность, понятие и цели наказания, а также и на общественную опасность» [1]. По прочтению данной работы очевидным сделался вывод о том, что количество и содержание поднятых вопросов свидетельствуют о начале важной научной дискуссии, результаты которой будут иметь определяющее значение для состояния и перспектив развития российской криминологии и, вероятнее всего, иных общественных наук на обозримую историческую перспективу. С другой стороны, содержание поставленных вопросов со всей определенностью свидетельствует о наличии принципиальных разногласий по целому ряду фундаментальных категорий криминологии и иных юридических наук (уголовное право, административное право и т.д.). В этой связи ответ профессора Я.И. Гилинского, опубликованный в виде статьи «В типике ли криминология постмодерна?» [2], выступившего в качестве оппонировающей стороны, был воспринят мною с нескрываемым интересом.

Первым и важным моментом, на который следует обратить внимание, является то, что предметом дискуссии выступают не просто вопросы методологического уровня криминологии, а ее основы основ — мировоззрение ученого, система взглядов на бытие и свое место в нем. Об этом практически с первых слов заявляют уважаемые коллеги, определяя основание к началу дискуссии: «Поводом к написанию данной статьи послужили взгляды и представления отечественных и зарубежных неокриминологов

на такие основополагающие понятия и категории в уголовном праве и криминологии, как преступление и преступность, понятие и цели наказания, а также на общественную опасность. В суммированном виде они, в частности, изложены в работе профессора Я.И. Гилинского «Криминология постмодерна: о преступлении и наказании», являющегося наиболее последовательным представителем российской неокриминологии» [1, с. 129]. Таким образом, по своему предмету, кругу поставленных вопросов (преступление, преступность, наказание и его цель, общественная опасность) нет сомнений, что эта статья относится к работам методологического уровня, значение которой выходит далеко за рамки собственно криминологии. Дискуссия затрагивает интересы таких наук, как теория государства и права, уголовное право и уголовный процесс, административное право и процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности и др. Думаю, нет нужды останавливаться на обосновании тезиса о значимости поставленных вопросов для названных и иных наук. Я.И. Гилинский сразу подчеркивает методологическое значение предмета дискуссии, обозначенного его оппонентами. «Во-первых, в статье все время упоминается критикуемая «неокриминология», тогда как в действительности подвергаются полному отрицанию положения современной криминологии постмодерна. Да, Я.И. Гилинский употребляет иногда понятие «неокриминология». Но это всего лишь авторское наименование отечественной разновидности современной мировой криминологии постмодерна, поскольку она включает различные виды («культуральная криминология» Дж. Янга, Дж. Форрела, К. Хейворда, Д. Гарланда; теория «баланса контроля» Ч. Титтла; «миротворческая криминология» Х. Пепинского, Н. Кристи, Л. Хулсмана; разновидности феминистских концепций — Д. Клейн, Р. Симон, Ф. Адлер и др.)» [2, с. 228].

С позиций концепции гуманистической методологии развернувшаяся в информационном поле российской криминологии дискуссия является закономерным следствием методологической неопределенности, вакуума, который возник в советской юридической и иных науках в конце XX в. В первую очередь это кризис индивидуального человеческого мировоззрения, ставший следствием противоречий, накопившихся в индивидуальном и общественном сознании. Законы бытия, принципы жизнедеятельности, идеологические постулаты и иные подобные категории, на которых были воспитаны и выросли поколения советских людей, ученых, в определенный момент стали демонстрировать свою несостоятельность и быстро девальвироваться. Например, такие фундаментальные принципы науки, как классовость, демократический централизм, руководящая и направляющая роль КПСС и др. Распад СССР усугубил уже существующий методологический кризис юридической науки — кардинальные внешние изменения (новая геополитическая ситуация, экономический уклад), а также обострение комплекса противоречий в сознании ученых-юристов. Новая объективная реальность не вписывалась в мировоззренческую модель советского ученого. Главной причиной такого положения является объективно присущая человеку инертность сознания, фиксация его внимания на мировоззренческой модели прошлого, нежелание, а порой невозможность быстрой корректировки мировосприятия. Следствием этого является практическое отсутствие новой парадигмы юридической науки [3, с. 28–29].

Главным объектом критического анализа С.С. Босхолова и В.А. Номоконова явилось фундаментальное положение криминологии постмодерна о том, что преступление, как и преступность в целом, по своей сути не есть объекты онтологической реальности. Это продукты уголовной политики, мыслительные конструкции, создание и существование которых инициировано и поддерживается государством, политической элитой [1, с. 129]. Следует подчеркнуть явно мировоззренческий характер обозначенной проблемы. В качестве основополагающего аргумента несостоятельности позиции криминологов постмодерна авторы приводят цитату К. Маркса о том, «что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой аб-

стракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их» [1, с. 129; 4, с. 732]. Однако цитата выдающегося классика ничуть не колеблет позиций криминологов постмодерна о ментальной, абстрактной сущности преступления. Отнюдь. Она скорее подтверждает их тезис об абстрактной, ментальной природе преступления, так как подчеркивает непреходящую значимость абстрактных категорий для любых исторических периодов. Это качество, согласно К. Марксу, следует из степени их обобщенности, абстрагирования от конкретных условий места, времени, уровня развития науки. В своем развитии криминология, как и общество в целом, проходит (прошла) постиндустриальный период, т.е. находится в новых исторических условиях. Поэтому закономерно, что взгляды ученых на преступление, наказание, уголовное право в целом и иные основополагающие вопросы науки меняются. Это суть диалектики. В свою очередь, криминологи-постмодернисты не отрицают теоретическую и практическую значимость категории преступления. Именно поэтому «абстракт-конструкция» преступления существует и будет существовать много веков. Вот что пишет по этому поводу профессор Я.И. Гилинский в одной из своих работ: «...то, что уголовный закон (любого государства) называет «преступлением», было, есть и будет, пока существует человеческий род (люди убивают, насилюют, причиняют телесные повреждения и т.п.) и товарно-денежные отношения (люди крадут, грабят, дают и берут взятки, занимаются проституцией и др.). То, что законодатель или мы называем преступлением, люди совершали, совершают и будут совершать» [5, с. 29]. Таким образом, очевидно, что сторонники криминологии постмодерна не только не отрицают, но и признают конструкт преступления необходимым на данном этапе развития человека и общества и в обозримой исторической перспективе. Другое дело, что уважаемые оппоненты расходятся в отношении природы преступления и преступности, их места и роли в жизни человека и общества. Представители классической криминологии видят отличие преступления от не преступления в том, что «оно наносит вред отдельному человеку, обществу, государству, а в некоторых случаях миру и человечеству, угрожает их естественному и неотъемлемому праву на безопасность. Отсюда в уголовном праве под общественной опасностью

понимают объективное свойство преступлений влечь за собой, порождать негативные изменения в социальной действительности, приводить к нарушению установленных в социуме общественных отношений, причинять им вред» [1, с. 130]. В свою очередь, криминологи-постмодернисты пишут об условности категории преступления, виртуальности, ее онтологическом субъективизме, прямой зависимости от воли государства. «Преступление и преступность — понятия релятивные (относительные), конвенциональные («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть — социальные конструкции, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. ... те же самые по содержанию действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне (подвиг!), убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, конфискация, в состоянии крайней необходимости, обман государством своих граждан и т.п.» [5, с. 27].

С позиций гуманистической методологии более предпочтительной выглядит вторая точка зрения. Думаю, не стоит повторять, что одно и то же деяние может признаваться преступлением в одной стране и не признаваться таковым в соседней. Таких примеров более чем достаточно. Изменения политического режима, экономического уклада, уголовной политики со всей неизбежностью влекут переформатирование норм УК. Например, еще в недавнем прошлом существовала уголовная ответственность за коммерческое посредничество и частнопредпринимательскую деятельность (ст. 153 УК РСФСР). И эта статья работала. В настоящее время данная деятельность не только декриминализована, но и всячески поощряется государством. Государство и право в целом — суть абстрактные конструкции, созданные в сознании людей. Давайте представим себе, что в какой-то момент все население Земли вдруг исчезло. Планета, океаны, моря, горы, равнины и т.д. есть, а людей нет. Есть правительственные здания, флаги и гербы, оружие, тексты законов, пограничные столбы на своих местах, а людей нет. Будет ли существовать в такой глобальной ситуации государство и право, преступность? Думаю, ответ отрицательный. Именно человек, его психическая и внешнепредметная деятельность активирует государственные механизмы,

правовые предписания и иные абстрактные категории юриспруденции. Это принципиальный тезис гуманистической методологии.

Сторонники криминологии постмодерна рассматривают преступность как неотъемлемую характеристику любого общества в силу того, что, «согласно действующим уголовным законам большинства государств, все совершают «преступления», каждый человек (включая автора этих строк). Достаточно внимательно перечитать уголовный кодекс и примерить на себе [5, с. 29]. С этим утверждением о тотальной распространенности преступности не согласны их оппоненты, считающие его «чрезмерно полемичным и вряд ли верным» [1, с. 130]).

Полагаю, уважаемым коллегам будут интересны результаты проводимого автором уже много лет опроса, целью которого является определение факта наличия либо отсутствия прежнего опыта совершения преступлений, а также опыта в роли жертвы преступления. Опрос заключается в анонимном ответе случайных респондентов на вопрос: «Совершалось ли когда-либо в отношении Вас умышленное преступление, имеете ли Вы такой опыт?» Согласно имеющимся данным, жертвами преступлений являлись свыше 97 % опрошенных, 1 % такого опыта не имел, 2 % затруднились ответить. Еще более интересен факт сопоставления этих данных с проводимым более длительный период (начиная с 2006 г.) аналогичным опросом, касающимся наличия у людей опыта совершения умышленных преступлений (около 95 % респондентов ответили утвердительно о наличии у них такого опыта). Таким образом, во-первых, подавляющее большинство опрошенных имеют преступный опыт, а также опыт жертвы преступления, во-вторых, речь идет о примерном паритете доли фактических преступников и жертв преступлений. Из года в год указанные проценты меняются в пределах двух единиц, что можно считать допустимой погрешностью авторской методики. Разумеется, результаты опроса нуждаются в осмыслении, оценке, проведении дополнительных комплексных исследований, но уже сейчас очевиден факт наличия серьезных проблем в традиционных теоретических подходах к преступности и мерам по ее предупреждению [3, с. 159; 6, с. 210–211]. В общем и целом, приведенные данные со всей очевидностью подтверждают позицию криминологов постмодерна.

Думается, мало что дают для обоснования несостоятельности криминологии постмодерна

приводимые С.С. Босхоловым и В.А. Номоконовым некоторые общие положения уголовного права о характере и степени общественной опасности преступлений. «Общественная опасность преступлений проявляется в ее характере и степени, которые принято считать качественными и количественными характеристиками всех преступлений» [1, с. 130]). И если в отношении характера общественной опасности преступления как его качественной характеристики, включающей в себя отличительные особенности преступного деяния от иных, еще присутствует определенная ясность, то содержание количественной характеристики преступления (степени общественной опасности) выглядит весьма дискуссионным. Поэтому закономерным представляется полемическое высказывание Я.И. Гилинского о критериях, мере оценки степени общественной опасности преступления: «А как будем определять и в чем будем измерять «степень общественной опасности — в километрах или в килограммах?»» [2, с. 229].

Является ли преступность социальным злом (классический подход) либо она, наоборот, социально полезна (криминология постмодерна)? Этот вопрос закономерно вошел в предмет развернувшейся дискуссии. Если строго придерживаться диалектического метода, искренне считая его всеобщим, всеобъемлющим, неизбежно приходишь к внешне простому и поэтому крайне сложному для восприятия выводу — «все есть все» либо, если желаете, «как вверх, так и вниз». Следствием этого принципа выступает дуальность мира в сознании человека. Известный принцип «инь-янь» иллюстрирует непрерывное движение разнополюсных начал, их взаимозависимость, взаимное превращение одного в другое, постоянное присутствие одного начала в сути противоположного. С позиций сказанного следует, что преступность и не преступность в обществе — два взаимообусловленных явления, «две стороны одной медали». Они не могут существовать одна без другой. Выполняет ли преступность негативную функцию в обществе? Думаю, да, выполняет. Есть ли у нее социально позитивное значение? Думаю, да, есть. Например, функция критерия социально опасного, вредного поведения. Человек не задумывается о том, что у него есть сердце, пока оно не заболит. Преступность же сигнализирует о серьезных проблемах в обществе. Реакция на нее — это уже другой вопрос.

Известно, что вопрос о диалектике морали и права является одной из исторически обуслов-

ленных констант в философии, социологии, теории права. С позиций гуманистической методологии человек, а не «субъект права» во всем своем многообразии является базовым, основным элементом во всех типах (видах) общественных отношений, включая правовые; именно в регулировании его поведения заключается сущность права. Это обеспечивает стабильность и безопасность всего общества и, как следствие, государства. Отделить мораль от человека и, соответственно, от права практически невозможно, разве что в сугубо абстрактных измерениях. Право в юридическом нормативизме (позитивизме) понимается как система установленных или санкционированных государством норм поведения. Это господствующий подход в белорусской юриспруденции. Понятие «человек» фактически отсутствует в праве. Есть субъект, сторона правоотношения, физическое лицо, преступник, потерпевший, участник процесса и множество иных абстракций, присваиваемых человеку в зависимости от его статуса в том или ином юридическом процессе. Юриспруденция «потеряла человека». А согласно концепции гуманистической методологии именно человек является главным объектом научного исследования. Следует отметить, что ученые, прежде строго придерживавшиеся юридического нормативизма (позитивизма) и являвшиеся оппонентами автора настоящей статьи, сегодня воспринимают и используют идеи гуманистической методологии в своих работах [7; 8].

Стратегически право в существующем виде неспособно решить задачу эффективного регулирования поведения человека и общества. Его ограниченность обусловлена целым рядом причин. Мораль более универсальна и всеобъемлюща, соответственно, ее важность в качестве нормативного регулятора не вызывает сомнений [9]). Думается, что роль и значение морально-нравственных норм в регулировании поведения человека очевидна. Вызывает некоторое недоумение позиция стороны дискуссии, представляющей классическую криминологию, о необходимости «обращения к канонам христианского учения о добре и зле, понимания преступления как тяжкого греха, отступления от заповедей Божьих... Грех, будучи не положенным в основу меры преступления, по той же причине, что его отпущение подвластно лишь самому Богу, тем не менее, вполне может рассматриваться в качестве одного из наиболее важных категорий метафизической основы об общественной

опасности преступления» [1, с. 133]. Во-первых, обращение к моральным категориям только одной религии делает любое исследование в известной степени односторонним. Российская наука, как и наука в целом, представлена учеными различных вероисповеданий, а также атеистами. Если искать источник моральных норм в религиозных заповедях, то методологически верным будет проведение исследования норм самых разных религий с целью нахождения общих поведенческих ориентиров людей на планете. Во-вторых, Россия — многонациональное, мультиконфессиональное государство. Насколько эффективным будет изучение преступности и конструирование норм уголовного права с привязкой только к нормам христианской морали? В-третьих, аргументация общественной опасности преступления через категорию греха выглядит в научном плане малопримемой. Как по меньшей мере неубедительный воспринимается тезис о том, что «теория постмодерна — это

детище современной западной христианской культуры, апологеты которой всегда и во все времена ставили ее выше всех других культур, в том числе православной культуры» [1, с. 134]). Христианское учение по многим принципиальным моментам не совпадает с аналогичными догмами иных мировых конфессий. Например, фундаментальные положения индуизма во многом противоречат христианскому учению [10]. Однако данное обстоятельство вряд ли может служить основанием противопоставления индийской науки европейскому или российскому научному знанию. Наука должна служить интеграции, а не дезинтеграции людей.

В качестве заключения хочется выразить глубокую благодарность уважаемым коллегам Якову Ильичу Гилинскому, Сергею Семеновичу Босхолову и Виталию Анатольевичу Номоконову за прекрасные работы и возможность принять участие в обсуждении фундаментальных проблем криминологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Босхолов С.С. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии / С.С. Босхолов, В.А. Номоконов. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128–136. — EDN WCBSDS // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 128–136.
2. Гилинский Я.И. В тупике ли криминология постмодерна? / Я.И. Гилинский. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).227–231. — EDN GKNOVZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 227–231.
3. Шиенок В.П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции / В.П. Шиенок. — Минск : Изд-во МИТСО, 2017. — 237 с.
4. Маркс К. Сочинения : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1954. — Т. 12. — 879 с.
5. Гилинский Я. Криминология и девиантология постмодерна / Я.И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2024. — 242 с.
6. Шиенок В.П. Преступление, его жертва и мораль / В.П. Шиенок, В.И. Резюк. — DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-2-210-218. — EDN MVJTXP // Виктимология. — 2024. — Т. 11, № 2. — С. 210–218.
7. Хиллута В.В. Человек и уголовное право / В.В. Хиллута // Yearbook: Human Rights Protection. From Childhood to the Right to a Dignified Old Age Human Rights and Institutions. — 2022. — № 5. — С. 81–94.
8. Хомич В.М. О кризисе правовой политики и необходимости антропологического измерения права в уголовном законе / В.М. Хомич. — DOI 10.18572/1812-3783-2022-2-32-35. — EDN LTVIQW // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 32–35.
9. Шиенок В.П. Мораль как универсальный фактор нейтрализации противоречий юридического позитивизма и основа создания нового механизма правового регулирования / В.П. Шиенок // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2020. — № 3. — С. 89–94.
10. Парамахамса Йогананда. Бхагавадгита : беседы Бога с Арджунной : царственная наука богопознания / Парамахамса Йогананда. — Москва : София, 2018. — 1230 с.

REFERENCES

1. Bosholov S.S., Nomokonov V.A. Ontological and Metaphysical Foundations of the Social Danger of Crimes: on the Dead end in Neocriminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 128–136. (In Russian). EDN: WCBSDS. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128–136.
2. Gilinsky Ya.I. Is The Criminology of Postmodernity at a Dead End? *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 227–231. (In Russian). EDN: GKNOVZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).227–231.
3. Shienok V.P. *Essays on the Humanistic Methodology of National Jurisprudence*. Minsk, International Institute of Labor and Social Relations Publ., 2017. 237 p.
4. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. Vol. 12. 879 p.
5. Gilinsky Ya.I. *The Criminology and Deviantology of Post-modern*. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2024, 242 p.
6. Shienok V.P., Rezyuk V.I. Crime, its Victim and Morality. *Viktimologiya = Victimology*, 2024, vol. 11, no. 2, pp. 210–218. (In Russian). EDN: MVJTXP. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-2-210-218.
7. Khilyuta V.V. Human and Criminal Law. *Yearbook: Human Rights Protection. From Childhood to the Right to a Dignified Old Age Human Rights and Institutions*, 2022, no. 5, pp. 81–94. (In Russian).

8. Khomich V.M. On the Crisis of the Legal Policy and the Need for the Anthropological Measurement of Right in the Criminal Law. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 5, pp. 32–35. (In Russian). EDN. LTVIQW. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-2-32-35.

9. Shienok V.P. Moral as a Universal Factor Neutralizing the Contradictions of Legal Positivism and the Basis for a New Mechanism of Legal Regulation. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo = Labour. Trade Unions. Society*, 2020, no. 3, pp. 89–94. (In Russian).

10. Paramahansa Yogananda. *God Talks with Arjuna: the Bhagavad Gita Royal Science of God Realization*. Los Angeles, 1995. (Russ. ed.: Paramahansa Yogananda. *God Talks with Arjuna: the Bhagavad Gita Royal Science of God Realization*. Moscow, Sofiya Publ., 2018. 1230 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шиенок Владимир Петрович — доктор юридических наук, профессор, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: vladimir517@tut.by.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shienok, Vladimir P. — Doctor of Law, Professor, Minsk, the Republic of Belarus; e-mail: vladimir517@tut.by.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шиенок В.П. Криминология vs неокриминология: о сути вопроса с позиций гуманистической методологии юриспруденции / В.П. Шиенок. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(6).549-555. — EDN DJUFSW // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 6. — С. 549–555.

FOR CITATION

Shienok V.P. Criminology vs Neocriminology: On the Essence of the Issue from the Position of the Humanistic Methodology of Jurisprudence. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 6, pp. 549–555. (In Russian). EDN: DJUFSW. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(6).549-555.